

Дарья Токарчина

Карусель смерти

18+

Дарья Токарчина

Карусель смерти

<https://litres.ru/73961241>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история про Глеба, который поехал в провинцию, но там встретил заброшенный парк. В котором и находилась та самая карусель смерти.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дарья Токарчина

Карусель смерти

Глава

Глава 1. Запах ржавчины и увядших цветов

Глеб ненавидел провинциальные городки. В них всё было слишком медленным, слишком пыльным и слишком... знающим. Знающим о тебе больше, чем ты сам. Он привык к ритму мегаполиса, к вечному шуму, к тому, что люди проходят мимо, не замечая друг друга. Здесь же каждый взгляд был прицельным, каждое «здравствуйте» от соседки — вопросом с пристрастием.

Переехать сюда его заставила работа. Редакция в столице отправила его в «творческую ссылку» — писать очерки о жизни глубинки. «Наберёшься колорита», — сказал редактор, пряча глаза. Глеб подозревал, что его просто сослали за слишком острый язык и статью о коррупции в городском управлении парков. Как бы то ни было, он оказался здесь: в городке, где самым высоким зданием была водонапорная башня, а главным событием недели — приезд автолавки с хлебом.

Квартира досталась ему от двоюродной тётки, которую он никогда не видел. Маленькая, на втором этаже старого дома

с облупившейся голубой краской. Из окна кухни был виден парк.

Парк был сердцем города. Или, точнее, его гноящейся язвой. Когда-то, судя по выцветшим фотографиям в местном музее, это было чудесное место: фонтаны, цветочные клумбы, блестящие аттракционы. Теперь же это было царство ржавчины и запустения.

Глеб поднёс к глазам бинокль — старый, ещё отцовский, тяжёлый и холодный. Он купил его, чтобы «изучать натуру» для будущих статей, но на самом деле ему просто было скучно. В окулярах мир становился чётче, но не менее унылым.

Он навёл резкость на центральную аллею. Покосившиеся фонари напоминали виселицы. Качели-лодочки застыли в нелепом положении, словно гигантская птица пыталась взлететь, но не смогла. А в самом центре, на круглой площади, окружённой голыми клёнами, стояло оно.

Карусель.

Даже на расстоянии она вызывала необъяснимую тревогу. Это была не та яркая, весёлая карусель из детских сказок. Её кони были вырезаны из тёмного, почти чёрного дерева. Их гривы казались не резными, а настоящими, спутанными от ветра и времени. Глаза — глубоко посаженные стеклянные шарики — смотрели в пустоту с выражением вековой скорби.

— Красавица, правда?

Глеб вздрогнул и чуть не уронил бинокль. В дверях кухни

стояла соседка снизу, Анна Петровна. Она была из тех женщин неопределённого возраста, которые всегда пахнут корицей и валерьянкой.

— Э-э... да, впечатляет, — соврал Глеб, опуская бинокль. — Какая-то она... мрачная.

Анна Петровна подошла к окну и выглянула на улицу. Её лицо мгновенно изменилось: лёгкая улыбка сползла, уступив место хмурой гримасе.

— Ты бы, Глебушка, поменьше на неё смотрел. И думать забудь туда ходить.

— Почему? Запрещено? — журналистское любопытство в нём уже проснулось и потянулось за блокнотом.

— Запрещено? — она усмехнулась, но как-то невесело. — Нет, милый, не запрещено. Просто... не надо. Это плохое место.

— Анна Петровна, я журналист. Мне интересно всё «плохое». Что там случилось? Авария? Кто-то покалечился?

Соседка повернулась к нему. Её глаза были серьёзными и очень старыми.

— Там никто не покалечился, Глебушка. Там люди пропадали.

Она сказала это тихо-тихо, словно боялась, что ветер за окном подслушает и донесёт слова до того самого парка.

— Пропадали? Как это?

— Просто. Сиделись покататься вечерком... и всё. Был человек — и нет человека.

Глеб фыркнул:

— Ну что вы, право слово. Это же городские легенды. Детей пугать перед сном. Наверное, кто-то сбежал из города с любовником, а бабки на лавочке придумали историю про зловещую карусель.

Анна Петровна покачала головой:

— Не веришь? Твоё дело. Только вот мой брат там пропал. Сорок лет назад. Ему было семнадцать. Высокий такой, красивый... Сел на того чёрного коня с золотой уздечкой и исчез вместе с музыкой.

Она замолчала, глядя в окно на ржавый силуэт аттракциона.

— С тех пор её и закрыли. Механик сбежал из города в ту же ночь. А карусель... она стоит там как памятник. Как надгробие.

Глебу стало не по себе. Он посмотрел на бинокль в своих руках. Теперь он казался ему не инструментом исследователя, а оружием для подглядывания за чем-то запретным и опасным.

— А почему её не демонтируют? Не снесут? Земля-то дорогая в центре.

— Пытались, — вздохнула соседка, направляясь к двери. — Три раза пытались рабочие приезжать с техникой. И ни разу не смогли даже ворота парка открыть до конца. То мотор заглохнет, то трос лопнет... А один рабочий потом в больницу попал — сказал, что карусель сама начала крутить-

ся ночью прямо перед его бульдозером.

Она остановилась в дверях:

— Мой тебе совет: живи своей жизнью, пиши свои статьи про урожай картошки или про новую скамейку у сельсовета. И держись подальше от этого места.

Дверь за ней закрылась, оставив Глеба наедине с запахом пыли и звенящей тишиной квартиры.

Он снова посмотрел в окно. Карусель стояла неподвижно под серым осенним небом.

«Чушь», — твёрдо сказал он сам себе вслух, чтобы развеять странное оцепенение. — «Суеверия».

Но рука сама потянулась к старому городскому справочнику, который он нашёл вчера на полке среди кулинарных книг тётки.

«Парк культуры и отдыха им. 50-летия Октября», — гласила выцветшая надпись на обложке.

Глеб открыл алфавитный указатель в конце книги и провёл пальцем по строчкам до буквы «**К**».

«Карусель».

Страница 112...

Глава 2. Пыль и тишина

Утро выдалось серым, под стать настроению. Дождя не было, но воздух был пропитан сыростью, словно город дышал холодным туманом. Глеб накинул куртку, сунул в карман диктофон и блокнот — свой неизменный набор для «полевых исследований» — и вышел из дома. Адрес он помнил

наизусть: улица Ленина, дом 14. Центральная библиотека.

Здание библиотеки оказалось массивным, дореволюционной постройки, с облупившимися белыми колоннами у входа. Тяжёлая дубовая дверь поддавалась с неохотой, впуская его в мир, где время, казалось, остановилось ещё в прошлом веке. Здесь пахло не просто старыми книгами, а старой бумагой, пылью, которая веками оседала на полках, и едва уловимым ароматом воска от натертого паркета.

За массивной стойкой из тёмного дерева сидела библиотечкарь. Это была женщина лет шестидесяти, с идеально уложенными седыми волосами и взглядом школьной учительницы математики — строгим, внимательным и способным вычислить в тебе двойку за одну секунду.

— Здравствуйте, — Глеб постарался улыбнуться как можно дружелюбнее и обаятельнее. — Я бы хотел поработать с архивами местной прессы.

Женщина медленно подняла на него взгляд поверх очков в тонкой золотой оправе. Взгляд был долгим и оценивающим. — Пресса? Вы журналист? Из области? — Из столицы, — уточнил Глеб. — Пишу цикл очерков о малых городах России. Хочу сделать материал о... достопримечательностях. О местной истории.

Он намеренно не упомянул парк. Хотел посмотреть на реакцию.

Реакция последовала незамедлительно. Взгляд библиотечкаря стал ещё более колючим, а губы сжались в тонкую ли-

нию.— У нас нет достопримечательностей, молодой человек. У нас есть история. И она не всегда... приятная для чтения.

Глеб почувствовал прилив азарта. Это было именно то, что нужно. Запретный плод.

— Именно поэтому я здесь. История без тёмных страниц — это миф. А мифы — это то, что я как раз и ищу. Легенды, слухи, необъяснимые события.

Он положил на стойку редакционное удостоверение. Женщина даже не взглянула на него.— Легенды... — она произнесла это слово так, будто оно было ядовитым. — Вы про парк, я полагаю?

Глеб кивнул:— В частности, про карусель.

В читальном зале повисла такая тишина, что стало слышно, как где-то в глубине здания капает вода из крана. Библиотекарь медленно сняла очки и положила их на стол. Её пальцы с узловатыми суставами слегка подрагивали.

— Молодой человек, — её голос был тихим, но в нём звенела сталь. — Я работаю здесь сорок лет. Я видела, как приходят и уходят люди с такими же горящими глазами, как у вас. Искатели сенсаций. Они хотят написать страшилку, продать её подороже и уехать обратно в свой большой город. А нам здесь потом жить с этим.

Она перегнулась через стойку и посмотрела ему прямо в глаза.— Оставьте это в покое. Это не легенда. Это могила.

Глеб выдержал её взгляд. Он понимал, что сейчас самый

важный момент. Нужно было либо отступить, либо идти ва-банк.

— Послушайте, я не собираюсь ничего выдумывать или насмехаться. Я хочу понять, что там произошло на самом деле. Если там были несчастные случаи... это тоже часть истории города. Молчание не вернёт людей.

Библиотекарь долго смотрела на него, словно взвешивая его слова на невидимых весах. Наконец, она тяжело вздохнула и выпрямилась.

— Архив за 1970–1985 годы в подвале. Микрофильмовый читальный зал справа по коридору. Каталоги на полке у окна.

Она снова надела очки и демонстративно уткнулась в какую-то книгу, давая понять, что разговор окончен.

Глеб не стал благодарить. Он просто развернулся и пошёл в указанном направлении.

Подвал оказался именно таким, каким он себе его представлял: низкие потолки, тусклый свет ламп в решётчатых плафонах, длинные ряды металлических стеллажей, гудящие от работы проекторов для микрофильмов. Здесь царил абсолютная тишина, нарушаемая лишь гудением аппаратуры и шелестом плёнки.

Он нашёл нужный ящик с катушками — «Газета Знамя труда». Годы были указаны на пожелтевших от времени наклейках.

Глеб заправил плёнку за 1975 год в проектор и начал просматривать номера подряд. В основном это была скучная

хроника: надои молока, открытие нового коровника, статья о передовике производства Василии Петровиче Сидорове... Он уже начал терять надежду и подумывать о том, чтобы перемотать плёнку вперёд, когда его взгляд зацепился за заголовок на последней полосе номера от 14 октября 1975 года:

«ПРОПАЖА ПОДРОСТКА: ПОЛИЦИЯ ПРОСИТ О ПОМОЩИ»

Сердце пропустило удар. Он прибавил резкости и начал читать.

«Вчера вечером в отделение милиции обратилась гражданка Петрова А.С., проживающая по адресу ул. Садовая, д. 5, с заявлением о пропаже своего сына, Петрова Алексея Сергеевича, 1956 года рождения.

Последний раз подростка видели вчера около 20:00 в городском парке культуры и отдыха, где он проводил время с друзьями.

Приметы: рост 175 см, худощавого телосложения, волосы русые, короткие...»

Дальше шли стандартные приметы и призыв к свидетелям выйти на связь.

Глеб быстро перемотал плёнку на неделю вперёд.

«ПОИСКИ ПРОПАВШЕГО ПОДРОСТКА НЕ ДАЛИ РЕЗУЛЬТАТОВ» (21 октября).

Ещё неделя.

«ДЕЛО О ПРОПАЖЕ АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВА ПЕРЕДАНО В ОБЛАСТЬ» (28 октября).

И всё. Тишина. Следующий номер был посвящён подготовке к 58-й годовщине Октябрьской революции.

Глеб сделал несколько пометок в блокноте: *Алексей Петров, 19 лет (на момент пропажи), октябрь 1975*. Он чувствовал знакомый журналистский зуд — он нашёл первую нить.

Он продолжил поиск по другим годам.

Март 1978: «Таинственное исчезновение сторожа парка». Мужчина 45 лет ушёл на ночное дежурство и не вернулся. Июль 1982: «Трагедия на аттракционе: девочка в тяжёлом состоянии». Заголовок обнадёживал, но статья была короткой: восьмилетняя девочка упала с качелей-лодочки и получила сотрясение мозга.

Это было не то. Не то масштабное зло, о котором говорила соседка.

Глеб уже собирался выключить аппарат и подняться наверх за следующим годом, когда его взгляд упал на катушку с надписью «1977». Он вставил её скорее по инерции.

Номер от **12 сентября 1977 года**. Первая полоса.

Заголовок был набран крупным шрифтом и занимал почти всю страницу:

«КРОВАВАЯ ТРАГЕДИЯ В ГОРОДСКОМ ПАРКЕ: СЕМЬЯ ИСЧЕЗЛА БЕЗ ВЕСТИ»

Фотографии под заголовком не было — видимо, редакция решила не травмировать читателей или просто не имела снимков пропавших хорошего качества.

Глеб впился глазами в текст:

«Вчера утром общественность нашего города была потрясена ужасной новостью: бесследно исчезла семья Звонарёвых...

Вчера утром общественность нашего города была потрясена ужасной новостью: бесследно исчезла семья Звонарёвых в полном составе.

Как стало известно нашему корреспонденту из источников в правоохранительных органах, вчера около 23:00 дежурный милиционер услышал со стороны парка крики о помощи и звуки борьбы.

Прибыв на место происшествия через несколько минут (патрульная машина находилась неподалёку), наряд обнаружил центральную площадь парка пустой и безлюдной.

На земле были найдены личные вещи пропавших: женская сумочка (принадлежит Звонарёвой Марии Игнатьевне), детский мячик (принадлежит их сыну Игорю) и мужские наручные часы (принадлежат главе семьи Звонарёву Виктору Павловичу).

Следов борьбы или крови обнаружено не было.

Свидетелей происшествия нет.

**По факту исчезновения семьи Звонарёвых возбуждено уголовное дело.»*

Статья была датирована вчерашним числом по меркам 1977 года — 11 сентября. То есть всё произошло ночью десятого сентября.

Глеб перечитал заметку трижды. Семья из трёх человек... Исчезла без следа посреди ночи... И снова — парк как точка невозврата.

Он посмотрел на дату пропажи Алексея Петрова из предыдущей заметки: **13 октября 1975 года**.

Разница почти в два года... Но что-то не сходилось в этой хронологии случайностей.

Внезапно его осенило: а что было **между** этими датами? Что происходило в самом парке?

Он быстро пролистал микрофильм назад до самого начала 1975 года и начал искать любые упоминания о парке аттракционов или ремонте оборудования.

Ничего... Ничего... Снова скучные отчёты...

А потом он увидел это. Маленькая заметка в номере от **15 мая 1975 года**. Заметка была такой крошечной и незаметной, что он чуть не пропустил её:

«НОВЫЙ АТТРАКЦИОН ДЛЯ НАШИХ ДЕТЕЙ»

В канун Дня пионерии наш парк культуры и отдыха пополнится новым подарком для юных жителей города — большой детской каруселью.

Торжественное открытие запланировано на 1 июня текущего года.

Карусель была изготовлена по спецзаказу на одном из предприятий области.

(Наш корр.)

Вот оно! Карусель появилась **весной** 1975 года! А первое

исчезновение произошло **осенью** того же года!

Глеб почувствовал холодок по спине. Это уже не могло быть совпадением.

Он лихорадочно начал искать информацию о том самом «предприятии-изготовителе». В последующих номерах за май-июнь он нашёл ещё одну короткую заметку:

«ПРАЗДНИК ДЕТСТВА СОСТОЯЛСЯ!» Вчера состоялось торжественное открытие нового аттракциона — карусели Сказка. Дети были в восторге от красивых деревянных лошадок...

И всё? Просто «Сказка»? Никаких имён мастеров? Никаких подробностей?

Глеб откинулся на спинку стула и потёр уставшие глаза. У него было три факта:

Карусель установили весной 1975-го (название «Сказка»). Первое исчезновение (Алексей Петров) произошло осенью 1975-го рядом с парком (в самой статье место указано как «в районе парка»). Самое жуткое исчезновение (семья Звонарёвых) произошло прямо на площади у карусели в сентябре 1977-го («крики со стороны парка», найдены личные вещи).

Картина вырисовывалась мрачная, но всё ещё неполная. Не хватало главного звена — прямой связи между самим аттракционом и пропажами в ранних статьях.

Он решил сменить тактику. Возможно, городская газета писала только об официальных заявлениях милиции. А что

писали другие?

Он поднялся наверх и подошёл к массивному каталогу карточек — огромному ящику с тысячами бумажных прямоугольников. Здесь был другой раздел: «Частные объявления», «Рукописные заметки», «Письма читателей».

Его пальцы перебирали картотеку на букву «П». «Петрова А.С.»... Нет... «Петров Алексей»...

Вот! Карточка была старой, края потрёпаны: *Петров Алексей Сергеевич Исчезновение Газета Знамя труда, 42 (1975) Смежные материалы: Письмо матери*

Смежные материалы! То, что нужно!

Глеб подошёл к стойке библиотекаря:— Простите...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.